

DOI: 10.24411/2658-5472-2020-10003

УДК 172.12

Н. В. Жадунова

ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»
Саранск, Россия, e-mail: zhadunovan@mail.ru

ЭТИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ И НОРМАТИВНОСТЬ¹

Аннотация. Права человека являются несомненным достижением развития современного общества. Универсальные моральные принципы свободы, неприкосновенности личности, уважения, сотрудничества, декларируемые на международном уровне как основа цивилизованного взаимодействия, обеспечиваются нормативно-правовыми механизмами, регламентирующими все сферы общественных отношений. Этические ценности закрепляются в правах человека, формируя отношение к личности как конечной цели общественного развития. Однако, на практике защита прав человека помимо нацеленности на создание условий для саморазвития и самореализации личности, приобретает догматический характер и выражается в системе категорических предписаний по поводу того, когда, как и чьи права должны быть защищены. Возникают этические коллизии, обусловленные дистанцированностью моральных оценок и суждений от морального поступка: доминантой современных стратегий развития человека является право оценивать происходящее с позиций личного представления о морали и морального опыта, без учета личной ответственности за происходящее. Анализ этических коллизий прав человека позволяет ответить на вопросы о том, как меняется отношение к ценностно-нормативным системам, где возникает антагонизм во взаимодействии нравственных и правовых регуляторов.

Ключевые слова: этика, права человека, моральные принципы, нормы, противоречия, стратегии развития.

N. V. Zhadunova

N.P. Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia, e-mail: zhadunovan@mail.ru

ETHICAL CONFLICTS OF HUMAN RIGHTS PROTECTION: PERSONALITY DEVELOPMENT STRATEGIES AND NORMATIVITY²

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов №18-011-00710, 19-011-00082

² The reported study was funded by RFBR, Projects No.18-011-00710, No. 19-011-00082

Annotation. Human rights are an undoubted achievement in the development of modern society. The universal moral principles of freedom, personal inviolability, respect, cooperation, which are declared at the international level as the basis for civilized interaction, are provided by regulatory mechanisms that regulate all spheres of public relations. Ethical values are fixed in the form of human rights and related to the individual as the ultimate goal of social development. However, in practice, the protection of human rights, in addition to focusing on creating conditions for self-development and self-realization of the individual, acquires a dogmatic character and is expressed in a system of categorical prescriptions about when, how and whose rights should be protected. There are ethical conflicts that are caused by distancing moral values and judgments from the moral act. The dominant feature of modern strategies for human development is the right to evaluate what is happening from the standpoint of a personal understanding of morality and moral experience, without taking into account personal responsibility for what is happening. The analysis of ethical conflicts of human rights allows us to answer the questions about how the attitude towards value and normative systems is changing, where antagonism arises in the interaction of moral and legal regulators.

Keywords: ethics, human rights, moral principles, norms, contradictions, development strategies.

В первые десятилетия XXI века дискуссии о правах человека приобрели большую остроту и напряженность, обусловленную тем, что открытый информационный мир позволяет оперативно фиксировать их нарушение и создает условия для расширения дискуссий по поводу их защиты на глобальном и локальном уровнях.

Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года [4] определяет основные права и свободы человека, подлежащие всеобщему соблюдению, опирается на принцип сотрудничества в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия пола, расы, языка и религии; конституирует право на жизнь, свободу, личную неприкосновенность; признание достоинства; тайна переписки; право защиты беспристрастным судом; политические и социально-экономические права, включая право участия в управлении страной; избирательное право; право свободного выбора места жительства; право на гражданство и владение имуществом.

Однако между декларированием прав человека и их соблюдением на практике наблюдается разрыв, который обусловлен объективными и субъективными факторами: ростом национализма, религиозного противостояния, геополитической и экономической борьбой за ресурсы, трудностями интеграции беженцев и мигрантов, а также размытостью и вариативностью трактовки понятия «права человека» в информационном мире.

Этические аспекты концепта «права человека» актуализируются в тех случаях, когда речь идет о дискредитации человеческого достоинства,

справедливости, свободы и ответственности, неуважительном отношении к исторически и этнически обусловленным ценностям, образу жизни, традициям и современным трансформациям.

В 2008 году доклад Т. Хаммарберга «Права человека в Европе: не допускать попустительства. Точка зрения Комиссара по правам человека Совета Европы» открывался тезисом: «Права человека – это не только законы и их исполнение. Это также этическая категория, имеющая нравственное значение. Вот почему дискуссии о правах человека столь интересны и эмоциональны» [10, с. 5].

Нормы прав человека, утвержденные «Всеобщей декларацией прав» и «Европейской конвенцией о защите прав человека» стали основополагающими в признании универсальной ценности жизни человека, уникальности его внутреннего мира и принципиального равенства всех людей. Права человека на всеобщем уровне утвердили кантовский императив о соотношении цели и средства во взаимодействии людей. Т. Хаммарберг отмечает: «Такое активное отношение к правам человека со стороны населения придало особую силу делу борьбы за права человека. И оно приобрело значение морального императива» [10, с. 5].

Рассуждения о моральной императивности прав человека имеют несколько предпосылок. С одной стороны, они претендуют на статус всеобщего закона, способного стать объединяющим фактором в разобщенном мире, с другой стороны, обостряют противоречия, возникающие на стыке глобального и локального в социокультурных и политических процессах современности. Права человека являются «неотъемлемыми, врожденными», а потому и внеисторическими и внесоциальными правами, и в то же время они есть результат коллективного нормотворчества, обусловленного системными изменениями, своеобразным результатом прагматического отбора. Так, Р. Джонстоун в статье «Либерализм, абсолютизм и права человека: ответ Полу Готфриду» высказывает мнение о том, что в основе прав человека лежит практический выбор, «потому что большинство людей поняли то, что они лучше остальных» [13, р. 140].

Достаточно спорным является утверждение об осознанном выборе. Как доказать, насколько «большинство» осознает необходимость и важность нормативной регуляции? Такой «отбор» проблематизирует признание прав человека как универсального концепта, несмотря на то, что они декларируются как общепризнанные и очевидные. А. А. Сычев отмечает, что попытки разобраться в их конкретном содержании неизменно демонстрируют, что в реальности по их поводу нет ни уверенности, ни согласия... Особенно явно их неоднозначность и хрупкость проявляется в условиях обострения социальных проблем, переводящих общественную систему в чрезвычайный режим: войн и вооруженных конфликтов, терроризма, природных и техногенных бедствий» [8, с. 368].

Тем не менее декларирование прав человека на глобальном уровне служит подтверждением способности человека к нормативной моральной регуляции поведения, как на индивидуальном, так и на социальных уровнях. Их основные принципы обеспечивают прогресс в развитии морального сознания, особой «нравственной» оптики при взгляде на Другого и на тех, кто в человеческой истории никогда не имел прав (животные, природные объекты, планета Земля). В то же время априорная универсальность и экзистенциальная значимость прав человека делает актуальным любое, даже самое неквалифицированное мнение по их поводу. Социальная и нравственная позиции одного человека начинают приобретать значимость не только на теоретическом уровне (как индивидуальный вклад в осмысление норм), но и сугубо практическом (как индивидуальный вклад в нормативную регуляцию), то есть становятся источником того, что У. Бек называет «дистанционной» моралью [2, с. 200-201].

Под ситуацией возникновения «дистанционной» морали можно понимать глобальную вовлеченность в информационную среду, в которой человек должен постоянно воспринимать информацию о происходящих событиях, формировать собственное мнение и публично обозначать позицию в отношении тех проблем, которые к нему, как субъекту морального действия, не имеют прямого отношения, не затрагивают его интересов. Права человека становится событием, по поводу которого каждый должен иметь мнение, опирающееся на нормы и моральные практики, возникающие в пространстве социального. У. Бек пишет: «биография все больше высвобождается из своего непосредственного жизненного круга и открывается поверх границ стран и опыта для некой дистанционной морали, которая потенциально заставляет индивида постоянно формировать собственное мнение. Погружаясь в незначительность, он в то же время якобы возносится на трон творца мироздания» [2, с. 201].

Придание значимости биографической «незначительности», возведение личной позиции в ранг общепризнанного мнения, а ситуативно и стихийно складывающегося общественного мнения в догму, задает определенный вектор развития нормативности: личностные факторы ставятся во главу угла, «авторитетное» мнение подменяет собой нормативную регуляцию поведения. Апелляции к обязательной моральной оценке происходящего становятся атрибутом современной защиты прав человека, как бы эти права ни трактовались (Например, агрессивная полемика в социальных сетях и СМИ по поводу причин и следствий убийства французского учителя истории С. Пати за демонстрацию карикатур из журнала «Charlie Hebdo» на уроках)¹.

Трансформируются сложившиеся представления о справедливом и должном, меняется система оценок допустимого и запретного, размывается структура моральной регуляции поступков человека. Поступок в контексте защиты прав человека утрачивает то, что О. Г. Дробницкий характеризовал как «собственно нравственную сторону в поведении человека», то, что

¹ В Париже прошла церемония прощания с убитым учителем// <https://www.svoboda.org/a/30905600.html>.

«детерминируется моральной регуляцией (подпадает под действие соответствующей нормы, отвечает нравственному требованию), т. е. определяется моральными отношениями» [5, с. 251].

Публичное обсуждение прав человека в «дистанционной» морали все чаще ведется с использованием аргументации *ad hominem*, которая представляет собой не опровержение или обоснование тезиса, а атаку на личность оппонента (группу оппонентов), чьи моральные качества подвергаются критике с целью дальнейшей дискредитации доводов в глазах аудитории. Очевидно, что ни одна из сторон, вовлеченных в обсуждение проблемы прав сексуальных меньшинств, не «видит» дальше «личности»: одни признают распушенность других, тем самым лишая их права на самоопределение и публичность взглядов, другие – признают ограниченность, а потому и неправомочность традиционных взглядов на сексуальность и гендерную принадлежность. Тем не менее, аргументация *ad hominem*, как отмечает Е. Н. Лисанюк [7], вполне приемлема для диалога, разворачивающегося в контексте определенного дискурса, где есть цель – понять Другого.

Вполне возможно, что сегодня формируется необходимое для признания и защиты прав человека дискурсивное пространство, в котором артикулируются проблемы и практики (религиозная нетерпимость, насилие, сексуальные домогательства, расовая и этническая дискриминация, признание сексуальных меньшинств и т.д.), обсуждение которых долгое время подвергалось жесткому контролю или табуированию. Стало общепризнанным фактом выносить на публичное обсуждение вопросы, не имеющие однозначного ответа. Так, например, независимый эксперт ООН по вопросам защиты от насилия и дискриминации по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности В. Мадригала-Борлоса¹, отстаивая права сексуальных меньшинств и запрет «конверсионной терапии» в отношении этой группы, говорит о «нарушении права человека самостоятельно распоряжаться своим телом, а также права на здоровье и на свободное выражение своей сексуальной ориентации и гендерной идентичности» как о следствии общественной стигматизации и осуждения представителей сексуальных меньшинств, отношения к ним, как нездоровым людям, которых необходимо принудительно лечить и чье самовыражение представляет опасность для общества.

Обсуждение прав человека позволило говорить о том, о чем не принято было говорить публично, что подлежало замалчиванию или осуждению: жертвы домашнего насилия, представители сексуальных меньшинств, инакомыслящие предпочитали молчать об этом, потому что именно их, якобы предосудительное поведение, было предметом порицания и общественного негодования.

¹Эксперт ООН призвал все страны мира запретить любые принудительные методы изменения сексуальной ориентации// Бюллетень ООН. <http://www.unic.ru/bulletin/2020-7-09/ekspert-oon-prizval-vse-strany-mira-zapretit-lyubye-prinuditelnye-metody-izmeneni> (дата обращения: 3.09.2020) <http://www.unic.ru/bulletin/2020-7-09/ekspert-oon-prizval-vse-strany-mira-zapretit-lyubye-prinuditelnye-metody-izmeneni>.

Права человека в их ориентированности на личность и группу определили современный «рамочный порядок» морали [11] и своеобразные правила социально-политической игры. Так, К. Хоманн и Ф. Бломе-Дрез в книге «Экономическая этика и этика предпринимательства», описывая ситуацию развития экономической этики, где действия и результат морального поступка определяется правилами игры, которые необходимо было разработать, отмечают, что любые нормы и предписания, то есть реальные ходы, совершаемые в пределах установленных правил, могут приносить результат только при условии взаимодействия и обращенности друг на друга всех участников ситуации. Права человека как правила рамочного порядка объединяют «общие, (относительно) длительно действующие правила для действий. Они должны соблюдаться при совершении действий в отношении других людей, их нарушение должно пресекаться. Конкретные действия бесчисленных действующих лиц во всем своем многообразии должны удерживаться в рамочном порядке: таким образом обеспечивается надежность взаимных поведенческих ожиданий» [11].

Проблема заключается в том, что в современном информационном мире действия отдельных лиц невозможно упаковать в логику «ходов в игре»: они зависят от различных причин и обстоятельств. Отстаивать права человека, совершать морально оправданные поступки возможно только при условии, что другие тоже готовы к этому, готовы действовать коллективно и добровольно, а не посредством предписаний, санкций и наказаний.

Ален де Бенуа в книге «По ту сторону прав человека. В защиту свобод» пишет, что современная идеология прав «намеревается навязать себя везде и всюду, не обращая внимания на сообщества, к которым принадлежат люди, на традиции и контексты. В то же время она является субъективистской, поскольку определяет права в качестве субъективных атрибутов, принадлежащих исключительно индивиду [3, с. 8]. Права человека могут идеально работать в условиях «единого человечества», что является неосуществимым явлением, несмотря на процессы глобализации.

Формируется своеобразная диктатура «прав человека», их универсальность превращается в догматизм, вырывая каждого отдельного человека из социокультурного контекста. Обсуждение прав человека становится разменной монетой в разрешении политических, экономических, ценностных противоречий, где одним из главных вопросов является вопрос о том, кто будет осуществлять нормативный контроль и возможна ли здесь саморегуляция. Оптимистически настроенные исследователи (например, А. Этциони видят в концепте прав человека новый нормативный синтез на глобальном уровне, синтез автономии личности и общественного порядка, основанного на моральных кодексах и нормативном контроле [12, с. 35-36].

Трудно обосновать уверенность в том, что современный дискурс прав человека определяет процесс, дающий возможность людям разных стран – как на Востоке, так и на Западе – приходиться к нравственному консенсусу по

конкретным проблемам. Понимание, принятие и защита прав человека предполагают личную свободу, критичность мышления, стремление не игнорировать неравенство, нарушения социальной справедливости, утрату доверия к социальным и политическим институтам, деградацию и подмену моральных ценностей.

Обостряется вопрос о том, насколько сегодня права человека опираются на свободу человека и сообществ принимать и отстаивать их ценность, не являются ли они «единственно верным» шаблоном, который определяет границы допустимого, нравственного и безнравственного. Коллизии возникают при столкновении интересов глобального сообщества, нуждающегося в универсальном моральном и правовом регуляторе, и традиционных локальных ценностно-нормативных систем. Этические коллизии защиты прав человека прежде всего демонстрируют наличие мировоззренческих «пустот», которые поглощают все логико-риторические конструкции в отношении того, от кого и как нужно защищать права человека.

Эти «пустоты», или так называемые «серые зоны» [6] в праве и морали (утрата или дискредитация ценностей, отсутствие идеалов, неспособность ориентироваться в мотивах, действиях и результатах морального поступка), большое количество злоупотреблений (права человека становятся лозунгом деструктивного поведения как со стороны государства, так и со стороны человека), вариативность оценки происходящего (все вовлеченные стороны оценивают в логике «своих» интересов и потребностей) заполняются категоричностью предписаний.

Этические коллизии прав человека вносят явный диссонанс в сложившиеся представления о справедливом и должном, меняют стратегии личностного развития, определяющие моральные практики и их оценку, особенно очевидные в поведении молодежи. При первом приближении, права человека, несомненно, диктуют деонтологическую стратегию развития личности [9, с. 71], направленную на совершение поступка исходя из норм, которыми надлежит руководствоваться в любой неоднозначной ситуации; однако концептуально права человека могут быть реализованы в полной мере в современном обществе только в том случае, когда источником нормативной регуляции индивидуальной и социально значимой деятельности выступает соглашение (контракт) между людьми. Следование принципам и нормам прав человека согласно контрактарианистской стратегии развития личности [9, с. 74] предстает как выгодная позиция, позволяющая получать определенные социальные бонусы, обсуждать правила в публичном диалоге.

Наблюдается своеобразная плюрализация и персонификация морали. Формируется система индивидуальной дифференциации норм, обусловленная свободой личности, которая может быть действенной только в том случае, если при этом не нарушаются права других людей. Важно понимать, что концепт прав человека констатирует необходимость борьбы со злом как социальным и политическим явлением, а не с конкретными людьми как его социальными

носителями. Ален Бадью в работе «Этика: Очерк о сознании Зла» предостерегает от использования прав человека в качестве базового аргумента в выстраивании социальных отношений, когда на первый план выдвигаются не гуманность и справедливость, а политизированные установки «прав и свобод»: «Права человека» являются правами на не-Зло – на то, чтобы не подвергаться агрессии и притеснению ни в своей жизни (ужасам убийства и казни), ни в своем теле (ужасам пыток, репрессий и голода), ни в своей культурной идентичности (ужасам унижения женщин, притеснения меньшинств и т. д.) [1, с. 11].

Идеальная задача прав человека – оградить людей от всякого насилия и принуждения. Осуществить это необходимо не только с использованием юридических инструментов, но путем изменения системы нормативной моральной регуляции поведения человека, в основу которой должны быть положены идеи свободы, достоинства, уважения, возможности развития личности, нацеленной на признание и поддержание ценности Другого, и определяющие меру его свободы.

Для полной реализации прав человека в глобальном обществе и локальных сообществах должна возникнуть потребность в нормативном регулировании и контроле процессов взаимодействия множества индивидов и сообществ в новых информационных условиях жизни.

Библиографический список

1. Бадью А. Этика: Очерк о сознании Зла / Пер. с франц. В. Е. Лапицкого. СПб.: Machina, 2006. 126 с.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
3. Бенуа де А. По ту сторону прав человека. В защиту свобод / Пер. с франц. Институт Общегуманитарных Исследований, 2015. 144 с.
4. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 12.05.2020).
5. Дробницкий О. Г. Понятие морали. М.: Наука, 1974. 386 с.
6. Коваль Е. А. «Серые зоны» как области ненормативного в деятельности академического сообщества // В мире научных открытий. 2015. № 7-10 (67). С. 3573-3584.
7. Лисанюк Е. Н. Аргумент ad hominem с точки зрения логики // Логико-философские штудии. 2008. № 6. С. 50-60.
8. Сычев А. А. Социальная политика в условиях проблематизации прав человека // The Journal of Social Policy Studies. № 18(2). С. 368-372.
9. Ушкин С. Г., Коваль Е. А., Жадунова Н. В. От теоретических конструкций к практическим убеждениям: как этические принципы реализуются в жизненных стратегиях молодежи // Мониторинг общественного мнения:

экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 66-93.
<https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1596>.

10. Хаммарберга Т. «Права человека в Европе: не допускать попустительства. Точка зрения Комиссара по правам человека Совета Европы». URL: https://www.coe.int/t/commissioner/Viewpoints/publication_RU.pdf (дата обращения: 20.03.2019).

11. Хоманн К., Бломе-Дрез Ф. Экономическая этика и этика предпринимательства. М.: Директ-Медиа, 2013. 227 с. URL: http://yakov.works/lib_sec/22_h/hom/an1.htm (дата обращения: 10.11.20).

12. Этциони А. С. От империи к сообществу. М.: Ладомир, 2004. 384 с.

13. Johnstone R. Liberalism, Absolutism, and Human Rights. Reply to Paul Gottfried // *Telos*, New York, Summer 1999. P. 139-142.

References

1. Bad'yu A. *Etika: Ocherk o soznanii Zla (Ethics: An Essay on the Consciousness of Evil)* / Per. s frants. V. E. Lapitskogo. SPb., Machina, 2006. 126 s.

2. Bek U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu. (Risk society. On the way to another modernity.)* Moskva: Progress-Traditsiya, 2000. 384 s.

3. Benua de A. *Po tu storonu prav cheloveka. V zashchitu svobod. (Beyond Human Rights. In defense of freedoms)* / Per. s fran. Institut Obshchegumanitarnykh Issledovaniy, 2015. 144 s.

4. Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka (prinyata na tret'ey sessii General'noy Assamblei OON rezolyutsiyey 217 A (III) ot 10 dekabrya 1948 g.) (Universal Declaration of Human Rights). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (data obrashcheniya: 12.05.2020).

5. Drobnitskiy O. G. *Ponyatie morali (The concept of morality.)*. М.: Nauka, 1974. 386 s.

6. Koval' E. A. «Serye zony» kak oblasti nenormativnogo v deyatelnosti akademicheskogo soobshchestva ("Gray zones" as areas of non-normativity in the activities of academic community) // *V mire nauchnykh otkrytiy*. 2015. № 7-10 (67). S. 3573-3584.

7. Lisanyuk E. N. *Argument ad hominem s tochki zreniya logiki (The ad hominem argument in terms of logic)* // *Logiko-filosofskie shtudii*. 2008. № 6. S. 50-60.

8. Sychev A. A. *Sotsial'naya politika v usloviyakh problematizatsii prav cheloveka (Social policy in the context of human rights problematization)* // *The Journal of Social Policy Studies*. №18(2). S. 368-372.

9. Ushkin S. G., Koval' E. A., Zhadunova N. V. *Ot teoreticheskikh konstruktsiy k prakticheskim ubezhdeniyam: kak eticheskie printsipy realizuyutsya v zhiznennykh strategiyakh molodezhi (From theoretical design to practical viewpoints: implementation of ethical principles in youth life strategies)* // *Monitoring*

obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2020. № 3. S. 66-93. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1596>.

10. Khammarberga T. «Prava cheloveka v Evrope: ne dopuskat' popustitel'stva. Tochka zreniya Komissara po pravam cheloveka Soveta Evropy» ("Human Rights in Europe: No Connivance. The point of view of the Commissioner for Human Rights of the Council of Europe"). URL: https://www.coe.int/t/commissioner/Viewpoints/publication_RU.pdf (data obrashcheniya: 20.03.2019).

11. Khomann K., Blome-Drez F. Ekonomicheskaya etika i etika predprinimatel'stva (Economic ethics and business ethics). M.: Direkt-Media. 2013. 227 s. URL: http://yakov.works/lib_sec/22_h/hom/an1.htm (data obrashcheniya: 10.11.20)

12. Ettsioni A. S. Ot imperii k soobshchestvu (From empire to community). M.: Ladomir, 2004. 384 s.

13. Johnstone R. Liberalism, Absolutism, and Human Rights. Reply to Paul Gottfried // Telos, New York, Summer 1999. P. 139-142 p.

Сведения об авторе:

Жадунова Наталья Владимировна – кандидат философских наук, декан факультета дополнительного образования ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: прикладная этика, социальное нормотворчество. Автор более 80 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9058-0488>.

E-mail: zhadunovan@mail.ru.

About the author:

Natalia V. Zhadunova - Dean of the Faculty of additional education, National Research Mordovia State University (430005, 68/1 Bolshevikskaya St., Saransk, Russia), Ph. D. (Philosophy), Research interests: applied ethics, social norm-creating. The author has more than 80 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9058-0488>.

E-mail: zhadunovan@mail.ru.